

АННА БЫЛИНОВА

ЗЕМЛЯ
МЕРТВЕЦОВ

Нечисть, колдовство

Анна Былинова

Земля мертвецов

«Автор»

2026

Былинова А.

Земля мертвецов / А. Былинова — «Автор», 2026 — (Нечисть, колдовство)

Связаны теперь Игнашка и бабка Катерина общей дорогой. Отправляются они в долгое и опасное путешествие. Только думы их разнятся. Каждого из них свое тревожит. Ведьмину душу греет мелодия дивная и лес с неведомыми голубыми елями. А Игнашка страшится того, что не застанет батьку живым. Но о чем бы эти двое не думали, предстоят им встречи с нечистой лесной, обитателями болот и густых лесов. И кто знает, может быть собьют их с пути трудности, станет непреодолимой дорога, а может быть, улыбнется им удача.

© Былинова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога дальняя и знак судьбы для бабки Катерины	5
Глава 2. Полевик и прощание сестер	11
Глава 3. Мрачные казематы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анна Былинова

Земля мертвецов

Глава 1. Дорога дальняя и знак судьбы для бабки Катерины

Колеса дробно стучали по каменистой дороге, иногда так подскакивали, что ободы жалобно скрипели, и казалось, что в любую секунду лопнут, и повозка разлетится в щепья. Повозку трясло, заносило на поворотах.

– Н–но! Н–но! – звонко покрикивал Игнашка, с остервенением тряся гужами. Но кричал он больше от страха, нежели, чтоб лошадь приободрить. Краша неслась так, как будто сзади ее сам дьявол подгонял.

Ветер разъяренным зверем кружился в поле, налетал на подводку, хватал невидимыми руками седые волосы бабки Катерины и как злой ребенок наматывал их на невидимый кулак. Если бы кто сейчас глянул на бабку, то не удержался бы и перекрестился, потому как жуткой она выглядела с причудливым седым венником на голове.

Бабка сидела, вцепившись костлявыми руками за деревянные перекладки, и тряслась, единственный глаз ее испуганно вращался. Чуюла старая, что всю душу из нее вытрясет эта дорога.

«Полахче!», – слабо кричала она, когда телега особенно сильно подпрыгивала на кочках. Ойкала, ругалась, малодушно жалея, что дома не осталась. А не осталась, потому что на это была весомая причина.

Год назад это было, по весне. Везде уже виднелись проталины, солнце беззастенчиво пиялилось во все окна, на заборе без конца и края рассиживали лодыри-воробьи и судачили о своем. А бабка Катерина в то время сильно мучилась головной болью. Семь дней и семь ночей ни на мгновение эта боль ее не отпускала. Вцепилась острыми когтями в затылок, и ничем не вытурить ее. Не помогали Катерине и травки заговоренные, и чеснок сушеный, и капустный лист, и осиновые поленья, хоть к голове их прикладывай, хоть по ногам колоти - все напрасно! Отчаялась тогда бабка, в силе своей засомневалась, лежала на кровати и глазом своим в серый потолок лупила. "Помру! Точно помру", - думала она, серая, неотличимая от груды тряпья, на котором лежала. И почти смирилась с подступающей смертью, в коротких и болезненных снах возвращаясь в далекое детство, только вот проклятые воробьи никак не давали покоя.

"У-у-у, шоб у вас крылья поотсыхали!". И вот до того осточертели ей эти пернатые, что бабка Катерина насили поднялась, побряхтела, дернула клюку у стены и медленно-медленно двинулась на улицу, чтоб прогнать лодырей. Не по-колдовски, а так, по-человечьи - швырнуть клюку в них, авось кому-то бошку безмозглую и отшибет.

Но выползла на крыльцо, уже трясущуюся руку с клюкой подняла. Однако бесстыже радостное солнце так по глазу ударило, что бабка Катерина невольно зажмурилась. Эть тебя, рыжая bestия!

Пока привыкла к свету, пока глаз прослезился, вдруг чувствует подозрительную тишину. Не слышит, а именно чувствует. Что такое? Туда-сюда обернулась, тихо! Воробьи все так же на заборе сидят и лясы точат, где-то собака глупая гавкает, со стороны улицы голоса приглушенные плывут, а в голове у бабки Катерины тихо! Как так? Неужели болявка когтистая отпустила? Так удивилась бабка Катерина, так обрадовалась, что чуть не закружилась по двору, да вовремя вспомнила, что лет ей столько, сколько ни один смертный не живет.

"Ихи-хи! Поживу ишо!", - воскликнула она и даже как-то с любовью в единственном глазу взглянула на излечившее ее солнце.

Сразу у нее и силы появились, сразу она и передумала воробьям бошки клюкой вышибать.

Засуетилась бабка Катерина по избе родимой, печь истопила, пол вымела. Так она рада была, что боль головная ушла, что захотелось на радости и погадать себе, будущность свою посмотреть, что ждет ее впереди.

Радостная, суетливая налила воды в блюдце, поставила зеркало перед ним, зажгла свечу третьей спичкой из коробки, - все, как учила ее мать когда-то. Мать-то уж как восемьдесят лет назад скончалась или девяносто? А какая разница теперь!

Села, значит, Катерина на стул и стала заговор читать:

«Течет водица далеко-далеко, омывает берега крутые, камни черные, видит водица, что на востоке идет, что на западе, что на севере, что на юге, течет водица, нигде не останавливается, никого не ждет, ни с кем не говорит, но мне расскажет, что видела, о чем узнала. Мне покажет, что будущность готовит, потому как я рядом с ней плыву, уши мои воду слышат, глаза мои видят...».

Проговорила бабка Катерина заговор, замолкла, потому как увидела кое что.

Видела она себя не избе родной, не в деревне солнечной и просторной, а где-то в густом и тихом лесу с диковинными голубыми елями, облепленном и ослепленным белым снегом. Стоит она, Катерина, молодая и розовощекая. Все зубы на месте, спина прямая, и глядит в лес этот голубой. А в темноте его кто-то тихонько на гармошке играет: жалобно и нежно. Так красиво, что дышать страшно - не спугнуть бы. Кто играет - не увидела Катерина. Только вот мелодию запомнила и ощущения свои.

С тех пор лилась эта мелодия в ее памяти подобно теплой родниковой воде, тревожила и вместе с тем успокаивала ее душу. Поняла Катерина, что ждет ее в этом лесу. И с тех пор маялась у нее душа всем существом своим в тот лес устремленная.

И вот сейчас, трясаясь в повозке и дрожа от холода, беспокойно и зорко Катерина следила за дорогой, высматривала лес с голубыми елями. Вот диковинка! Никогда Катерина голубых елей не видела, но верила, что видение ее не обмануло.

Под грязным одеялом возле нее сидел мокрый щенок и, высунув умильную морду, тихонько поскуливал. Шарик. По дороге подобрали. Выпрыгнул откуда-то и за повозкой побежал, пришлось взять.

Сквозь пелену дождя и снега Катерина разглядела в стороне деревню. Моргнула Катерина - та или не та деревня? Вон, чуть далече скала отвесная, там лет сорок назад поругалась Катерина с сестрой своей Евдокией.

Поглядела на Игнашку - спина у парня сторбилась - мерзнет. Из родной деревни они уж как два дня выехали, а вчера погода испортилась. Всю ночь к костру жались, а на рассвете, не выпавшись и толком не согревшись, дальше поехали. Парню отдохнуть надо, да и ей, Катерине, отдых не помешает. Неизвестно, что там впереди. Холодина такая, что уже и ног не чувствуешь. Если до ночи никакой деревни не будет, так и околеть недолго. Потому выбора у Катерины нету.

– Заворачивай! – тонко взревела старуха, высовывая продрогшую руку и указывая вправо. – Заворачивай, кому говорю! Заворачивай, ядрена вошь!

Ветер свистел, дождь косячил по повозке, и Игнашка, одетый в полушубок и шапку-ушанку, ничего не слышал.

Тогда бабка Катерина взвыла от досады, схватила мешок с продуктами и швырнула в согнутую Игнашкину спину.

– Ай! – Игнашка повернулся и страшными глазами воззрился на старуху.

– Чего деревьшься, бабка Катерина?

– Вправо, говорю! Там сестра у меня–а! – взревела старуха.

Игнашка повернул голову, разглядел серые приземистые дома и натянул гужи. Резко повернул и двинул прямо к понурым, как старые псы, домишкам. Только самый крайний дом отличался от остальных. Высокий, огороженный крепким забором.

"Туда!", - махнула рукой Катерина.

За широкой и крепкой изгородью виднелся дом сестры бабки Катерины. Подтянутый, как солдат на посту, встречал он гостей широкими окнами. Слышалось, как на заднем дворе козы мекают, коровы мычат. Пес сдавленно рычал из будки, но носа не казал на улицу.

Оба продрогшие и сутулые - Игнашка пряча под тулупом скулящего щенка, бабка Катерина, совсем согнувшись клюкой, взобрались на крыльцо. Старуха неуверенно поскреблась в гладкую дверь, затем взялась за ручку, изящно изогнутую. Чувствовалось даже со двора, что сестра у Катерины Евдокия, не в пример ей, хозяйственная и дама со вкусом.

Отворилась дверь.

Пахнуло сладким и хлебным теплом. Шагнули Катерина и Игнашка в горницу, позади оставляя холод, дождь и снег.

Внутри светло и чисто. На окнах белые занавески, как хлопья снега. Посередь кухни стол стоит, накрытый скатертью, на полу ковры шаг твой заглушают. Уютно у Евдокии, тепло.

В углу иконы, как увидела их бабка Катерина, повела костистым носом, будто что-то дурное в воздухе учуяла, затем громко чихнула.

Колыхнулись занавески, отделяющие кухню от зала, и к гостям вышла хозяйка дома, и по ее единственному глазу Игнашка догадался, что это сама Евдокия - сестра бабки Катерины.

Повязка на глазу Евдокии светленькая с кокетливыми розовыми цветочками. Не то что у бабки Катерины - черная и скучная. Белоснежные от седины волосы аккуратно собраны на затылке опять же, не как у Катерины. У той косматятся и торчат веником. Одета бабка Евдокия была в ситцевое платье, мягкие тапочки из овечьей шерсти.

Поглядела Евдокия на гостей единственным глазом и, не здороваясь, проговорила:

– Ночью сон снился, как будто паршивая сука с щенком ко мне на порог явились.

– Чаго ругаешься! – проворчала Катерина. – На улице, поди, видала, што творится? Так бы не побеспокоили. Так бы мимо поехали. Ну, примешь на постой?

– Я не ругаюсь. Я сон рассказываю, - невозмутимо ответила Евдокия. - А принять - приму. Не гнать же вас на улицу в такую погоду.

Чувствовалось, что бабке Катерине неуютно у сестры, что еще больше сторбилась она, и в этом почудилась Игнашке какая-то тайна. Да так любопытно стало, что у него уши загорелись. Но больше всего его поразило то, как бабка Евдокия похожа на бабку Катерину. Вот это действительно диво–дивное! Даже глаз у старух одинаковый. Такая же повязка на лице как и у бабки Катерины. Как же так?

Бабка Евдокия будто мысли его прочла, а может по глазам его сияющим было понятно, на что Игнашка внимание обратил, засмеялась сухонько и сказала:

– Уродились мы такими.

– Одноглазыми? – не сдержался Игнашка.

– Одноглазыми! Тока ты на это не смотри! У тебя два глаза, а много ли ты видишь? А ну, как звать-то тебя?

– Игнашкой.

– Игнатий, значит. Ну проходи, дорогой гость Игнатий. Чай будем пить.

Стала бабка Евдокия по кухне ходить. Подкинула щепок в печь. Засипел самовар, зашкворчала картошка в чугунной сковородке.

– А Катерина-то постарела, я гляжу, - сказала Евдокия, приблизившись и разглядев сестру.

– Не больше чем ты, – огрызнулась Катерина.

– Она-то младше меня на пару годков, - пояснила Евдокия Игнашке и ехидно добавила:
- По уму-то заметно.

– А ты у нас шибко умная, - огрызнулась "младшая" сестра.

Так, посмеиваясь и отпуская шуточки, бабка Евдокия накрыла на стол, поставила блины с маслом, сметану, молоко, творог и сковороду с картошкой. Игнашка слюну проглотил. Обернулась Евдокия на гостей, которые до сих пор у порога стояли, воскликнула:

– Мне что вас за руки к столу проводить? Што мне тут на пороге застыли?

Щенок заскулил под бушлатом Игнашкиным, еду почуял.

– И кто там у тебя? А ну выпускай на свободу.

Кряхтя, бабка Евдокия налила молочко в блюдце и поставила на пол. Завертелся щенок юлой, стремясь вырваться из Игнашкиных рук. Опустил Игнашка его на пол, и тот кубарем покатился к блюдцу.

– Эх ты, маленький, – проворковала Евдокия. – Ну, откуда и куда путь держите? А ты, Катерина, што встала у порога как не родная? Проходи.

Бабка Катерина покосилась на иконы, фыркнула, стянула с себя полушубок.

Евдокия увидела, что иконы ее так влияют на сестру, усмехнулась:

– Не бойся, Катерина. Господь бог наш никому плохого не сделает, даже такой грешнице как ты.

– А ты не без греха будто, – снова съязвила Катерина.

– Ихих, - Евдокия дробно рассмеялась, - без греха тока вот эта тварь божья! - кивнула на лакающего молоко Шарика. - Хватит зубоскалить, сестра, сорок лет как-никак не виделись. Ой-ей, что-то совсем плохо ты выглядишь!

– Тхы! На себя-то давно в зеркало глядела? - возмутилась бабка Катерина.

Евдокия подошла к старинному серванту, открыла дверцы и достала оттуда ложки. В одну из них взглянула, увидела свое отражение, положила ложку на стол.

– А что мне глядеть? Я свой срок знаю, дольше точно не проживу.

Наконец все расселись за столом, зашвыркали горячим чаем.

– А хде Лизавета? – вдруг спросила бабка Катерина, глазом по сторонам поглядывая.

– Лизку в город спровадила. Пусть на швею выучится. Внучка моя, - пояснила Евдокия Игнашке. - Родители-то померли, Лизавета со мной сызмальства.

– Пошто одну отпустила? Девка молодая, как бы чаго не случилось.

– А чаго с ней случится? Она у меня девка не глупая, хитростям наученная.

Игнашка задумался. Интересно, а у Лизаветы тоже один глаз. И так ему любопытно стало, что еле-еле сдерживался, чтоб не ляпнуть. Уши горят, глаза беспокойно бегают. Как спросить? Как выведать тайну, сердце мучающую.

– Ну, а вы куда путь держите?

– Едем мы в дальние края батьку моего искать. – сказал Игнашка.

– От оно как? А где искать будете?

– Так в городе! – просто ответил Игнашка. Задумалась Евдокия.

– В городе, значит. Рабочий он, что ли?

Игнашка голову опустил.

– Не знаю я. Вроде как в тюрьме сидит.

Евдокия глаз выпучила, покачала головой, но ничего не сказала по этому поводу, лишь добавила:

– Коли в город едете, так к Лизавете заезжайте, весточку ей передайте и гостинцев.

Смотрит Игнашка на Евдокию, краснея заранее за любопытство свое, стыдится, но ничего с собой поделывать не может – так и просится у него вопрос. Но не успел он ничего сказать, как бабка Евдокия хитро подмигнула ему и огорошила:

– Два у нее глаза, таких же лупоглазых как у тебя.

Спрятал глаза Игнат и уставился на блины, красный как свекла. Недаром бабка Евдокия сестра бабки Катерины, значит и в ней есть эта способность к магии.

Видит Игнашка, что бабка Евдокия улыбается приветливо, потому он совсем осмелел и сказал:

– Вот вижу я, бабушки, что как будто не все ладно у вас. Расскажите, чего это вы, две сестры единокровные, языка общего найти не можете?

– Ихи–хи, – засмеялась бабка Евдокия, в точности как Катерина. А бабка Катерина только хмыкнула презрительно и склонилась к кружке, не трогайте, мол, меня.

– Чаго ж не рассказать? Поведую тебе, соколик. Было это давно, лет пятьдесят назад, когда мы еще молоды были. Жили мы в избе в одной деревне, все нас боялись, колдовками обзывали, заборы дегтем мазали. В общем, народ хотел избавиться от нас, да только по ночам все равно приходили с протянутой рукой, помогите, сестрички. Ну а мы что? Мы и помогали с радостью, обе глупые, наивные, думали, так от народа любовь заслужим. Пришел однажды мужик к нам, Федор его звали. Федька же: – покосилась Евдокия на Катерину. – Ага, Федор, значит. Сынок у него заикался, по ночам постели мочил и темноты боялся. Пришел, Федор, значит, так и так. Помогайте, сестры добрые. Катерина-то меня отводит и шепчет: – "не надо ему помогать, чую, не добро получится".

А я думаю, ну как не добро? Мальчонку–то мы сможем вылечить. "Нет, – говорю, – Катерина, нас итак народ не любит, а ежели откажем, так и вовсе заплуют". В общем, не послушалась я Катерину. Я к Федору выхожу и говорю: "Поможем". Он обрадовался. Помогли мы сыночку его, вылечился тот. Прошло месяца три, скот стал падать в деревне, волки стали чаще нападать, и кто–то слух пустил, что мы это виноватые, и как-то ночью просыпаюсь я, чую дымом пахнет. Кричу Катьке «горим!», выскочили мы с ней, я гляжу, двое бегут. Ну и нагнала их, так что ж ты думаешь? Один-то незнакомый мужик, а второй – Федор наш! Сыночка мы его вылечили, а он нас "отблагодарил" так. Ох и разозлилась я, хотела я ему хату сжечь, а его самого в поросенка превратить, так Катька не дала. Держала меня, пока этот Федор убежал.

Игнашка недоверчиво посмотрел на Катерину, совсем уткнувшуюся в кружку. Не мог он поверить в такое положение, казалось ему, что должно было все наоборот быть.

– Ушли мы в лес с Катериной после того случая. – продолжала бабка Евдокия. – И Катерина стала попрекать меня, что помогла я тогда Федору, а я ее стала попрекать тем, что не дала она мне его сжечь да в поросенка превратить. В общем, разругались, да вскоре разошлись наши пути. Вот так то.

– Вон оно че? Я-то думал, что бабка Катерина та еще злыдня, – по–простецки воскликнул Игнашка, – а оно вона как. Значит, вы злее бабки Катерины?

– Хы! Мал ты еще – судить! Жизнь проживешь, поймешь, как оно все не просто, – вдруг сказала Катерина.

– Но почему же вы тогда со злым колдовством связались? – спросил Игнашка.

Бабка Евдокия грустно вздохнула, моргнула глазом и вроде как заслезился он у нее.

– От обиды все. – ответила грустно.

Повисла тишина.

Игнашка глянул на бабку Катерину. Вдруг понял не по-детски, а уже по-взрослому, что Катерине было тяжелее справиться с обидой, потому что не хотела она Федора жечь, а потом и простить его не могла за то, что себя тогда сдержала, потому и пошла дальше жизнь, обидой выпестованная.

– Да-а, вот это судьбинушка, – промолвил он.

Бабка Катерина вдруг подняла голову и, сердито сверкнув глазом, рывкнула:

– На судьбу не жалуясь, мне тут жалейщики не нужны. Доедай, да спать ложись! Утром рано выезжать будем.

Игнашка сердито бухнул стакан об столешницу, вылез из-за стола.

Легли спать. Игнашка на лавку лег, щенок под лавку сунулся, вошкался там, поскуливал, потом замолк.

Лежит Игнашка. Слышит, как в трубе завывает. По стеклу дождь колотит так, что кажется – лопнет стекло в любую секунду. Старухи храпят, аж стены трясутся. Как тут уснешь? Ворочался Игнат с боку на бок, жмурил глаза, но никак сон не шел. От бессонницы деревню родную вспоминал, мамку с дедом, да и как уехал оттуда два дня назад.

Недолго Игнашка и бабка Катерина собирались в путь. С тех пор, как увидел Игнашка в колодце страшную картину, так от бабки не отставал. Ехать надо, ехать! Иначе с батькой плохо будет.

Бабка Катерина даже сама не рада стала, что поспособствовала Игнашке, теперь не знала как отвязаться от него.

«Ну, учи меня, бабка, как батьку найти и вызволить?», – твердил Игнашка.

«Не сможешь ты один его вызволить, надо мне с тобой. Окочуришься, сгинешь, а я виноватая останусь! Ох, дурья моя голова, угораздило мне с тобой связаться».

«Никто тебя, бабка Катерина, за язык не тянул!», – настаивал Игнашка. Самое сложное было, это как сказать деду Савелию и матери, что Игнашка уезжает батьку искать. Не отпустят ведь, чуял Игнашка, потому придумал ловкую историю, мол, поедет он учиться в город. Станет милиционером. Крякнул дед, запричитала мамка, да только Игнашка сказал это, а потом выждать стал. Дед с матерью подумали, что позабыл он. А Игнашка через время снова им сказал, так и приучал к мысли, что уедет.

«Куда, ребенок совсем!», – кричала мать. Но в итоге отпустили. Дед даже подводу починил, новые вожжи достал. А уже осень приближалась. И вот два дня Игнашка и ведьма одноглазая по полям да лесам блудили, пока на дорогу не выехали, а тут буря...

Задремал, наконец, Игнашка, но вдруг услышал, как кто-то громко закричал на улице. Человек вроде. Открыл Игнашка глаза. Снова крик. Старухи как храпели, так и храпят. Не иначе как по двору чужой мужик ходит? Там ведь Краша Игнашкина, а вдруг этот чужак увести лошадь захочет? Хорошая лошадь. В деревне много раз Игнашку просили, – продай, провожали взглядом завистливым.

Встревожился Игнашка не на шутку. Рывком с лавки вскочил, чуть на щенка не наступил. Взвизгнул щенок, застонал обиженно. Но даже старухи и сейчас не проснулись. Прыгнул Игнашка в сапоги, зажег керосиновую лампу, и на улицу. Дождь, снег, град, ничего не видно. Бежал дом.

Слышит, скотина в загоне бесится. Бойтся, видать. Ну точно, пришел вор Крашу Игнашкину воровать!

Глава 2. Полевик и прощание сестер

Рыдает черное небо ледяными слезами. Проливает печаль свою на бедную землю, все выплакать ему хочется, что в его необъятной душе творится. Когда небо плачет, ему плевать на свидетелей, а то еще лучше, если свидетели его слез будут без крова по земле ходить. Вымочит тогда небо живое существо в своих слезах, пусть мерзнет, пусть трясется от моей печали, пусть так же ему будет холодно, как мне!

Глядит черное небо на мальчика, выскользнувшего из избы, глядит на слабый огонек его лампы и так хочется небу злему потушить этот огонек, так хочется ледяной смертью окатить мальчика, чтоб понял он, каково небу!

Эй, ветер, иди-ка в помощники мне! Налети разъяренным зверем! Сорви одежду с этой твари божьей, хочу я услышать как бьется его горячее и хрупкое сердце! Взвыл ветер, откликаясь на просьбу неба, налетел на Игнашку коршуном, схватил за волосы, хлестнул по лицу, швыряя в него мокрые космы дождевой воды.

-Ну и погода, едрить твою! - воскликнул Игнашка, едва удерживаясь на месте.

Ледяной дождь тут же вымочил его до нитки. Игнашка лицо утирает, глядит вперед, глаз зоркий, молодой. Свет от лампы выхватил у сарая шевеление какое-то. Пригнулся Игнашка, ловкий, как тигр, осторожно два бесшумных шага сделал и спрятался за столбом, глядит, кто-то маленький, ростом с десятилетнего ребенка, пухлый шебаршит у двери сарая - то ли пытается замок вскрыть, то ли засовы вырвать. Воришка, - понял Игнат, - решил, наглец, поживиться, пока его непогода укрывает. Ах ты, гад такой! У старухи воровать? Это же кем надо быть? У Игнашки аж внутри все заклокотало от гнева справедливого. Евдокия ходит еле-еле, за добром своим смотрит, ухаживает, а какой-то вполне здоровый и сильный подлец одним заходом все готов утащить, что непосильным трудом нажито! Ну держись!

Углядел Игнашка доску, что на земле валялась, поднял, перехватил поудобнее, и двинулся к вору. А тот не слышит ничего, буря какая! возится и возится с замком. Spина, обтянутая хорошим полушубком, слегка горбится, голова в шапке лохматой цвета мокрой осенней травы уткнулась в дверь. Эх, глупый вор! Подкрался Игнашка со спины и ка-ак треснет по хребту. Так, что доска пополам переломилась. Вот тебе, вор проклятый!

Завизжал вор тонким голосом, повернулся к парню, глянул с невыразимой обидой в голубых очах. Игнашка скривился: было у того воришки лицо старое, сморщенное, как яблоко запеченное. Чем-то этот воришка был похож на дите кладбищенское. Борода сивая до колен путалась, а то, что Игнат за шапку принял, оказалось соломой, которая вместо волос у вора росла на голове. Тьфу ты! Какой старый. Лежать бы тебе на печи в такую погоду, а не по чужим амбарам шастать! Взмахнул Игнашка снова сломанной доской для устрашения и закричал:

- Чего ты, старик, тут шастаешь?! Не стыдно тебе у старухи немощной воровать?

Заверещал, запрыгал на месте вор, завертелся юлой. Даже странно сделалось Игнашке: чего это юродивый вытворяет.

- Ты давай... - растерялся парень. - Иди отсюда!

Воришка, не переставая визжать, бочком, бочком по стеночке сарая, и к забору. Одним махом перемахнул его. И только визг его еще был слышен. Доволен Игнашка, то-то же, спас добро старухи. Обошел он скот в коровнике. Знать - не знает, сколько голов у Евдокии, но вроде стоят коровы да телята живые и здоровые. Дальше глядит, его Краша в дальнем углу спокойно дремлет.

Хорошо, - думает Игнашка, - успел вора обезвредить, а то бы он увел Крашу.

Закрыл Игнашка калитку продрогшими руками, немного послушал бурю: свистит ветер, косохлестит дождь со снегом. Холодина! Игнат, пока с воришкой расправлялся, холода не чув-

свовал, а сейчас прям жжет холодным огнем щеки, облизывает шею осенний ветер! Трепещет огонек в лампе.

Подпер парень быстренько калитку доской сломанной и в избу засобирился. Но тут увидел, что сестры одноглазые приковыляли.

– Что такое? – взволнованно спросила Евдокия. Рассказал ей все Игнашка весело, как юродивого вора с сивой бородой доской поколотил, как тот вертелся юлой, а потом ускакал в поле.

– Теперь не будет, бабушка Евдокия, у тебя тут шастать по ночам. Так ему бока намял, что теперь и не вспомнит, где двор твой! – хвастается Игнашка.

А старуха вместо того, чтобы похвалить его, сверкнула глазом и руками всплеснула:

– Батюшки! Ты что наделал?

– Что? – насторожился Игнат. Что-то совсем не радостной выглядела Евдокия.

– Ты сам юродивый! Катька! Он же мне полевика обидел батюшку! Ай-яй!

Запричитала Евдокия, головой замотала. Стушевался Игнашка.

– Кто такой полевик? – шепотом у Катерины спросил.

Та выразительно цокнула языком и головой покачала:

– Ну учудил ты. Иди-ка в избу, Аника-воин, покуда Евдокия тебя сама палкой не прибила.

Пошел Игнашка в избу, немало озадаченный. Полевик какой-то, чего же этот полевик среди ночи по амбарам да загонам шастает? Да еще в такую погоду. Поди их разбери этих ведьм, с кем они якшаются. Хотел доброе дело сделать, а остался виноватым.

Рассердился Игнашка, решил, что прямо сейчас уедет. Если хочет бабка Катерина, пусть с ним едет, а – нет, так без нее уедет. Зашел в избу, натянул тулуп. Проверил – на месте ли Щит. Рукоятка ножа холодно коснулась руки. На месте.

– Эй, Шарик! – Сгреб мохнатого колобка, сунул под тулуп. –Ничего. Вдвоем с тобой про батьку узнаем.

Щенок доверчиво лизнул ему щеку. Только выйти собрался Игнашка, как в избу сестры одноглазые вошли.

– Ты куда это собрался на ночь глядя? – удивилась Екатерина.

– Ты, бабка, решай, со мной едешь или здесь останешься. – строго сказал Игнат.

– Экий ты пряткий! – воскликнула бабка Евдокия, – Ты откуда такой? Прямо как скакун из Петрова табуна!

Как будто удивилась Евдокия.

– Такой и есть! – пробурчала Катерина. – Натворит делов и бежит, аж пятки сверкают!

– Не бегу я, – смутился Игнат. – Хотел дело доброе сделать, вора прогнал, а оказалось...

– Не вор это. Полевик – батюшка. Он в амбаре живет и двор охраняет. Теперь обиделся батюшко, спрятался в поле, не найдешь, – с грустью сказала бабка Евдокия, и от того, что не злая она была, а грустная, от того, что стала по избе быстренько ходить, что-то струнулось в Игнашке. Сел он прямо в тулупе на стул, глядит растерянно.

Ворча, бабка Евдокия собрала со стола яйца, сметану, блины. Достала из шкафа бутылку, выгребла из закровов своих крепкие ткани. Собрала все в узелок.

Шарик принялся носится по кухне и путаться под ногами. Визжит, видит, что суета, что люди собираются куда-то, и ему отдохнувшему и сытому захотелось лапки размять.

Бабка Евдокия собрала узелок, обвязала голову платком, надела длинное до пят пальто и вышла на улицу.

Как захлопнулась за ней дверь, бабка Катерина на Игнашку уставилась. Оглядела его с ног до головы и сказала:

– Ну, чаго расселся в уличном? Скидывай тулуп да спать ложись. Долго Евдокия нечисть будет уговаривать, полевик гордый и больно обидчивый. Их-хи! - невесело хихикнула старуха.
- Ну ты учудил, милоч. Пошто нос не в свое дело суешь?

Игнашка промолчал. Да ну вас, ведьмы старые! Нехотя разделся, улегся на лавку. Бабка Катерина ворчала, ворчала, да тоже легла.

– Бабка Катерина, расскажи про полевика, - попросил Игнат.

– А, - слышался голос ведьмы. - Он-то, полевик, в поле обитает, во ржи. Хозяин, значит. Нечисть. От него зависит, будет ли урожай али нет. От настроения его, и как будешь себя в поле вести. Поле-то тоже уважать надо, как и лес. Тогда тебе много пользы будет. Полевик смотрит на людей, кто, как дела ведет. Нерадивого и злого крестьянина за версту чует, наказать может. Урожай сжечь или затопить. Большого труда стоит полевика к себе во двор переманить, чтоб он за хозяйством глядел... - Голос бабки Катерины становился тише. Засыпает старая.

– Евдокия-то мастер на такие дела, с кем хошь договорится. Ты, конечно, натворил делов, но ничего, Евдокия уладит. Молодец она. Охо-хо.

Было слышно как Катерина протяжно зевнула. Замолчала, и через несколько секунд захрапела.

Долго Игнашка прислушивался к звукам, все ждал, когда бабка Евдокия явится, да не дождался. Сон сморил.

Проснулся от приглушенных голосов. Открыл глаза, глядит, за столом сестры одноглазые сидят чаевничают. В доме светло, день на дворе. Увидели, что Игнашка проснулся, сказали вставать и чай пить.

– Ну что, вернули полевика? - первым делом спросил Игнашка.

– Вернула. Он хоть и сильно обиделся, да мы с ним уж лет тридцать дружим. Куда же он пойдет. - Бабка Евдокия налила из самовара кипяток, из чайничка заварку плеснула в кружку.

– Ну вот, а крику-то было! - буркнул Игнашка, подпоясался и двинул на улицу по нужде.

А на дворе-то, глядит, тишина и благодать. Буря улеглась, застенчивое солнышко из-за тучек выглядывает. Хорошо будет ехать по такой погоде.

Не долго Игнашка и бабка Катерина собирались в путь. Евдокия им в дорогу хлеба и калачей положила и велела в городе навестить Лизавету и гостинцы ей передать. На прощание обнялись старухи. Неловко так, но по-родственному.

– Ну, взбирайся, бабка Катерина! - Игнашка уже устал ждать, когда сестры нацелуются. Сидит на повозке, вожжи держит, напустил на себя важность.

– Езжайте с богом! - сказала бабка Евдокия.

Кряхтя, залезла Катерина на повозку, устроилась поудобнее, глянула на сестру, и что-то зажгло у нее в глазу, как будто соринка попала. Поскорей отвернулась, чтоб Евдокия не заметила.

Глава 3. Мрачные казематы

Дорога после дождя и снега размокла. Черной, жирной змеей, уставшая, отяжелевшая от дождей, она медленно ползла вперед. Выполняла свое предназначение. Недобро косилась на лошадку с подводой, на мальчика и старуху на этой подводе и хотелось ей сбросить их в овраг. Ездят тут, беспокоят! И чего вам дома не сидится? Нарочно подставляла под колеса бугорки, швыряла в лица ошметки грязи, надеясь, что остановит мальчик лошадку и повернет назад. Но зря надеялась, Игнашка с полпути не сворачивает. Игнашка только вперед смотрит горящими яркими глазами!

Злилась дорога, черной грязью вся вымазанная, но ничего поделать не могла. Ехал Игнашка, лошадь подбадривал и совсем не боялся дороги этой.

Вскоре в город заехали и к Лизавете завернули. Бабка Евдокия подробно объяснила, где живет внучка.

После того как Лизавете гостинцы передали, Игнашка и бабка Катерина отправились в центр города. Бабка так велела.

У Игнашки глаза как пара монет, рот раззяван, как у несмышлёныша. Игнашка впервые в своей жизни город увидел. Окаатило его шумом, как горячей водой. Повозок и карет целая прорва, тут уж рот не разевай, Краша хоть не несётся сломя голову, а все равно надо в оба глядеть. Столько нарядных людей Игнашка никогда не видел. Были тут и дамы в кружевных платьях, в Игнашкиной деревне в таких не ходят. Пахло от дам цветами, душистым мылом. Крестьян тоже немало, особенно на базаре: горластые, глазастые, кто мясо продает, кто выпечку, кто овощи, а кто табак. Весело на базаре. В особенный восторг Игнашка пришел на базаре. Руки в карманы тулупа засунул, ходит с деловитым видом, глазами туда-сюда стреляет. Чего только нет на деревянных прилавках! Чем только не торгуют! Как голосисто и зычно зазывают к себе. Увидел Игнашка шинель старенькую, но довольно справную. Глаза загорелись, давай он эту шинелишку щупать. Заметила торговка интерес к своему товару, подбежала, улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.